Самуил Яковлевич Маршак

3 ноября 2012 года исполняется 125 лет Самуилу Яковлевичу Маршаку.

Меня всегда удивляет лёгкость, с которой люди, сделавшие в литературе мало или очень мало, судят обо всём, что было до них. Далеко за их спиной остаются «все эти Маршаки» с их поэзией. Кому она может быть интересна сегодня?! Ведь это советский (какой ужас!) детский поэт, коммунист и атеист, который воспитывал из детей Павликов Морозовых. Надеюсь, что эти люди просто мало знают о том, кто же такой – Маршак.

Знаете, какое впечатление производил Маршак на Чуковского? Корнею Ивановичу казалось, что если бы на Маршака наскочил грузовик, то грузовик разлетелся бы в вдребезги, а Маршак продолжил бы свой стремительный путь, как ни в чём ни бывало. Ему абсолютно было чуждо смирение, долготерпение, кротость. Во всём его облике была готовность дать отпор любому супостату. Повелительное, требовательное, волевое начало ценилось им превыше всего. И это странно.

Дело в том, что родился Самуил Яковлевич Маршак в небогатой еврейской семье в конце XIX века. Трудно было еврейскому мальчику выбиться в люди в то время. Маршак должен был стать таким сверчком, который твёрдо знает свой шесток, осторожным, кротким, терпеливым, словом, закомплексованным, как говорят теперь. В нём же комплексов неполноценности не было вообще.

Во-первых, его очень любили домашние, хотя Сёма, так звали мальчика в семье, был вовсе не пай-мальчик. Он не ходил, а бегал, снося всё на своём пути, удирал туда, куда не разрешали и возвращался перемазанным с ног до головы. Он разбил громадное зеркало в гостиной бабушкиного дома. Сёма приспособил его под качели - это было так интересно! Зазеркалье приходило в движенье, ему казалось, что стоит чуть-чуть сильнее раскачаться, и окажешься за стеклянной гранью. Сёма с его настойчивостью, может, и попал бы в зазеркалье, но зеркало сорвалось с гвоздя и упало, накрыв мальчика так удачно, что ни тяжёлая рама, ни многочисленные осколки не причинили шалуну никакого вреда. Сёма лежал ни жив, ни мёртв – он побаивался суровой бабушки, но родные были так счастливы, что ребёнок жив - здоров, что никто и не подумал мальчика наказать.

Самому же Сёме казалось, что он большой грешник! И даже душа, а души у людей, как ему представлялось, это такие муфты, белые и пушистые, у него чёрная, грязная. Но поделать с собой ничего не мог. Уж очень большим любопытством к жизни, энергией наградила его природа.

Он очень любил читать и не очень - учиться: его готовили к гимназии, а он не делал домашние задания. Объяснялось это вовсе не ленью, а страшной Сёминой занятостью: сначала завтракали, потом гуляли, потом обедали, потом пришли гости, а потом надо было идти спать. Но экзамены в гимназию Сёма Маршак сдал блестяще и... не был принят. Все места, предназначенные для детей-евреев были заняты. Правда, через полгода кого-то отчислили и маленький Сёма стал гимназистом.

В гимназии уже учился его старший брат Моня, любимец всех учителей. Младший, в гимназии его прозвали Маршачком, был таким же способным, очень хорошо учился, но отличался от спокойного, застенчивого брата неуёмным темпераментом, и не то чтобы беззастенчивостью, нет, он гораздо проще, нежели брат, относился ко всем сложным вопросам бытия. Одна история с черноглазой гимназисткой чего стоит. Старший брат влюбился. Сёма искренне не понимал, почему брат не подойдёт и не познакомится с понравившейся ему девочкой. Но старший только отмахивался. Мол, малыш ещё ничего не понимает. И тогда Маршачок решил показать, что он уже не малыш. Он нашёл способ подружиться с братом гимназистки, и очень скоро был зван на именины девочки. Когда Сёма поведал брату, где собирается провести вечер, тот был ошеломлён. И вот старший, израсходовав все свои карманные деньги, собирает младшего на вожделенную вечеринку и грустно смотрит, как наряженный Сёма отбывает на грохочущей пролётке в гости. Именно младший ввёл затем старшего в дом черноглазой гимназистки, и очень удивлялся, почему это брат не пропадает в гостях целыми днями? Маршачку тогда подобная щепетильность казалась странной.

Словом, Сёма Маршак был весёлым счастливым ребёнком. Мир вокруг него был прекрасным и удивительным. И этот мир должен был подчиниться его желаниям, как когда-то подчинилась ему музыка в городском парке. Музыка была чудом, и когда чудо кончилось, малыш побежал к сцене, где сидели музыканты, и громко, на весь сад крикнул: «Музыка, играй!» и музыка заиграла. Не оттуда ли уверенность Маршака в том, что он может велеть музыке играть, стихам – звучать, и ничто, и никто не посмеет ослушаться!

И мир подчинялся! Как-то во время гражданской войны для нужд ЧК реквизировали его пишущую машинку. Узнав об этом, Маршак просто пошёл в ЧК, взял и вынес нужный ему инструмент. Не скрываясь мимо вооружённых часовых прошёл, и никто его не остановил.

Много чего случилось с Маршаком в отрочестве, юности. Счастливые случайности свели его с выдающимися людьми того времени. Так и хочется написать: он, бедный еврейский мальчик... Не был он бедным еврейским мальчиком. Он был Маршак.

В университет его не приняли – национальность не та. Некоторое время он перебивался случайными заработками, потом – уехал путешествовать, встретил в пути красивейшую девушку, из путешествия он вернулся уже женихом, а после свадьбы молодые отправились в Англию, изучать она - химию, он – искусство.

Маршак очень быстро овладел английским, слушал лекции в Лондонском университете, бродил по стране, некоторое время жил в Школе простой жизни. Это было удивительное учебное заведение, где изнеженных отпрысков из богатых английский семейств учили простым вещам: как построить себе шалаш, чтобы он был годен для жилья, как приготовить себе еду на костре, как сшить себе простейшую одежду, как починить обувь... Одновременно обучали книжной премудрости. Именно там, а не под влиянием краткого курса истории коммунистической партии, сложились педагогические принципы Маршака и его убеждение, что для детей нужно писать (рисовать, играть спектакли ит.д.) так же, как для взрослых, только лучше.

Принципам своим он не изменил ни разу. Маршак создал великую русскую детскую литературу. В Ленинградском отделении Детгиза, которое он возглавлял, отбирали, редактировали, издавали книги, ставшие классикой. Без него не было бы в нашей литературе ни Буратино, ни приключений Карика и Вали, ни пьес Шварца, ни повестей Кассиля, ни Хармса, ни Введенского, ни сотен сказок разных народов, гениально пересказанных Габбе и Любарской. Скольких из них он спас, за скольких хлопотал, скольким жизнь продлил, ведь создан Детгиз был в те самые 30-е годы! Он был великим редактором, жертвуя собственным творчеством для того, чтобы довести чужие тексты до совершенства. Он был чудесным детским поэтом, чьи стихи не поблекли и не устарели, и не устареют никогда. Он был прекрасным лирическим поэтом. Кстати, Маршак не написал ни одного стихотворения, прославляющего Сталина. И ни одного атеистического стихотворения. Хотя антиклерикальных - предостаточно. Но это совсем другое дело. Наконец, он был переводчиком. И какой! Переводы Маршака сделали Бёрнса одним из самых любимых поэтом у нас в России.

Вот и получается, что те, кто снисходительно поглядывает на Маршака, напоминают лодочки, кружащие вокруг айсберга. Именно так. Плывёт по океану русской словесности великая гора - Маршак, и на горе начертано:

«Я думал, чувствовал, я жил

И всё, что мог, постиг,

И этим право заслужил

На свой бессмертный миг».

© Л.Е. Сычева, главный библиотекарь